

НА ПОСЛЕДНЕМ ДЫХАНИИ ●●● A BOUT DE SOUFFLE

НА ПОСЛЕДНЕМ ДЫХАНИИ ●●● A BOUT DE SOUFFLE

Марина
Влади

Владимир,
или
Прерванный
полет

РЕДАКЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕЛЕНА АСТ
ШУБИНОЙ МОСКВА

УДК 821.133.1(092)
ББК 84(4Фра)
В57

MARINA VLADI
VLADIMIR OU LE VOL ARRÊTÉ

Печатается с разрешения Librairie Arthème Fayard

Автор идеи и составитель серии СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Художественное оформление и макет АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

В оформлении переплета использованы фотографии из архива
Государственного культурного центра-музея В. С. Высоцкого

Влади, Марина.

В57 Владимир, или Прерванный полет / МАРИНА ВЛАДИ; пер. с фр. Ю. Абдуловой. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2018. — 288 с. — (На последнем дыхании).

ISBN 978-5-17-099772-5

Марина Влади была женой и музой Владимира Высоцкого последние 12 лет его жизни. Эта книга — словно кадры замедленной съемки: 60-70-ые годы XX века, концерты, спектакли, фильмы, поездки и путешествия, шумные компании и счастливые минуты наедине, бесконечные телефонные разговоры, прикосновение к творчеству Высоцкого и трагический уход из жизни легендарного поэта и актера. Большая любовь и короткое, зыбкое счастье.

УДК 821.133.1(092)
ББК 84(4Фра)

ISBN 978-5-17-099772-5

- © Librairie Arthème Fayard, 1987
- © Marina Vladi, 1987
- © А. Бондаренко, художественное оформление, 2017
- © ООО «Издательство АСТ», 2017

*Маме, Тане, Бернару, Жан-Марку,
Минде, Игорьку, Андрею
и Симоне...*

*А на нейтральной полосе цветы
Необычайной красоты.*

Владимир Высоцкий

*У Володи было много друзей. Одни встречались с ним
каждый день, другим лишь удавалось иногда попасть на его
концерты, третьи только слушали магнитофонные записи.
Но все они были друзьями. Для них — этот перевод на русский.*

Марина Влади

Меня всегда занимал вопрос: что происходит в головах людей при виде актера или актрисы, которыми они восхищались в кино? Однажды вечером мы выходим из театра после “Гамлета”. Мороз, на улице ни души. Белый пар поднимается из решеток стока, и свет фонарей прорывает синеватую тьму. Откуда-то из подъезда появляются два человека в меховых шапках и как вкопанные застывают перед нами. Ты смотришь на меня с беспокойством. Может быть, ты даже испугался в какой-то момент. Но мягкий и вежливый тон того, что повыше, сразу же нас успокоил. Слегка наклонившись вперед и стараясь не глядеть в мою сторону, он обращается к тебе с сильным грузинским акцентом:

— Дорогой, дорогой Высоцкий, позвольте мне представиться. Я из Тбилиси, я узнал, что сегодня вы вдвоем будете в театре, и весь вечер прождал на улице — боялся вас пропустить. Прошу вас позволить мне обратиться к вашей супруге.

В его устах такое галантное вступление не показалось мне неуместным. В нем чувствовалось огромное уважение, даже почтительность, а главное — было понятно, что предмет разговора очень серьезный. Движением руки ты приглашаешь его говорить. Он поворачивается ко мне, и тут я вижу его глаза. В них застыла страстная решимость.

10 — Мадам, я пришел отомстить за вас. Мы с моим другом готовы убить того подлого негодяя, у которого нет жалости!

Если бы он не был так взволнован, я рассмеялась бы, но, чувствуя, что он дрожит с головы до пят, я молчу, а он продолжает:

— Как он мог, как не пожалел? Камнем! Камнем даже собаку не убивают!

Наконец я начинаю понимать: Колдунья — юная дикарка — моя героиня из фильма, над которым рыдала вся Россия, погибает от руки невежественного крестьянина. И вот теперь этот человек хочет отомстить за ту, которую я сыграла. Он так свято поверил во все это, что ему показалось совершенно естественным предложить свою помощь мне...

Я взволнована и растеряна. Как ответить, чтобы не обидеть его, как объяснить этому простодушному человеку, что тут не за что мстить? Я попросту беру его за руку.

— Посмотрите на меня, меня не убивали. Ведь я жива, я говорю с вами. Ну, убедились?.. Спасибо вам за желание помочь и за вашу отзывчивость.

Его ледяные руки сжимают мою, и, наклонившись, он прикасается губами к кончикам моих пальцев.

Все, чары развеяны. Выпрямившись, он с достоинством просит извинить за то, что отнял у нас столько времени.

Два человека уходят в ночь.

Странная история, которую ты рассудил почти серьезно: “Жаль. Мы могли бы отправить их к нашему злейшему врагу”.

11

В самом деле, кто был твоим злейшим врагом?

На сцене неистово кричит и бьется полураздетый человек. От пояса до плеч он обмотан цепями. Ощущение страшное. Сцена наклонена под углом к полу, и цепи, которые держат четыре человека, не только сковывают пленника, но и не дают ему упасть. Это шестьдесят седьмой год. Я приехала в Москву на фестиваль, и меня пригласили посмотреть репетицию “Пугачева”, пообещав, что я увижу одного из самых удивительных исполнителей — некоего Владимира Высоцкого. Как и весь зал, я потрясена силой, отчаянием, необыкновенным голосом актера. Он играет так, что остальные действующие лица постепенно растворяются в тени. Все, кто был в зале, аплодируют стоя.

На выходе один из моих друзей приглашает меня поужинать с актерами, исполнившими главные роли в спектакле. Мы встречаемся в ресторане ВТО — шумном, но симпатичном. Там хорошо кормят и закрывают гораздо позже, чем в других

местах. Мы предъявляем пропуски, и наша небольшая компания устраивается за столиком. Наш приход вызывает оживленное любопытство присутствующих. В СССР я пользуюсь совершенно неожиданной для меня известностью. Все мне рады, несут мне цветы, коньяк, фрукты, меня целуют и обнимают... И вот уже стол уставлен бутылками, официанты приносят закуски. Мы принимаемся за еду. Я жду того замечательного артиста, мне хочется его поздравить, но говорят, что у него чудной характер и поэтому он может и совсем не прийти. Я расстроена, но у моих собеседников столько вопросов! Они знают, что я много снималась, хотя видели всего два или три моих фильма. И по-русски — а я в последний раз говорила по-русски шестилетней девочкой — я пускаюсь в повествование о моей артистической карьере.

Краешком глаза я замечаю, что к нам направляется невысокий, плохо одетый молодой человек. Я мельком смотрю на него, и только светло-серые глаза на миг привлекают мое внимание. Но взгляды в зале заставляют меня прервать рассказ, и я поворачиваюсь к нему. Он подходит, молча берет мою руку и долго не выпускает, потом целует ее, садится напротив и уже больше не сводит с меня глаз. Его молчание не стесняет меня, мы смотрим друг на друга, как будто всегда были знакомы. Я знаю, что это — ты. Ты совершенно не похож на ревущего великана из спектакля, но в твоём взгляде чувствуется столько силы, что я заново переживаю все то, что испытала в театре.

А вокруг уже возобновился разговор. Ты не ешь, не пьешь — ты смотришь на меня.

— Наконец-то я встретил вас.

Эти первые произнесенные тобой слова смущают меня, я отвечаю тебе дежурными комплиментами по поводу спектакля, но видно, что ты меня не слушаешь. Ты говоришь, что хотел бы уйти отсюда и петь для меня. Мы решаем провести остаток вечера у Макса Леона, корреспондента “Юманите”. Он живет недалеко от центра. В машине мы продолжаем молча смотреть друг на друга. На твоём лице — то тень, то свет. Я вижу твои глаза — сияющие и нежные, коротко стриженный затылок, двухдневную щетину, ввалившиеся от усталости щеки. Ты некрасив, у тебя ничем не примечательная внешность, но взгляд у тебя необыкновенный. Как только мы приезжаем к Макс, ты берешь гитару. Меня поражает твой голос, твоя сила, твой крик. И еще то, что ты сидишь у моих ног и поешь для меня одной. Постепенно я начинаю постигать смысл, горький юмор и глубину твоих песен. Ты объясняешь мне, что театр — твоё ремесло, а поэзия — твоя страсть. И тут же, безо всякого перехода говоришь, что давно любишь меня. 13

Как и любой актрисе, мне приходилось слышать подобные неуместные признания. Но твоими словами я по-настоящему взволнована. Я соглашаюсь встретиться с тобой на следующий день вечером в баре гостиницы “Москва”, в которой живут участники фестиваля.

14 В баре полно народу, меня окружили со всех сторон, но, как только ты появляешься, я бросаю своих знакомых, и мы идем танцевать. На каблучках я гораздо выше тебя, ты встаешь на цыпочки и шепчешь мне на ухо безумные слова. Я смеюсь, а потом уже совсем серьезно говорю, что ты — необыкновенный человек и с тобой интересно общаться, но я приехала всего на несколько дней, у меня очень сложная жизнь, трое детей, работа, требующая полной отдачи, и Москва далеко от Парижа... Ты отвечаешь, что у тебя у самого — семья и дети, работа и слава, но все это не мешает мне стать твоей женой. Ошарашенная таким нахальством, я соглашаюсь увидеться с тобой завтра.

Я захожу за тобой в театр к концу репетиции. Утром мне позвонил Сергей Юткевич и предложил сыграть роль Лики Мизиновой — молодой женщины, в которую был влюблен Чехов. Меня одолевают сомнения — все-таки съемки рассчитаны почти что на год. Ты же буквально прыгаешь от восторга, ты кричишь и лихорадочно умоляешь меня соглашаться. Я твержу, что все это очень сложно, но ты упорствуешь: надо соглашаться, у нас будет время видеться и, главное, — ты сможешь уговорить меня выйти за тебя замуж. Тон почти шуточный, но я чувствую столько нежности в этих словах, что твое воодушевление передается и мне, и мы представляем, как все будет: я привезу своих еще маленьких детей и маму, которая пятьдесят лет не была в России, мы станем друзьями, будем часто видеться, и ты будешь петь мне свои новые песни.

Нам обоим нет тридцати, я разведена, ты — разводишься, впереди — целая жизнь. Я осторожно замечаю: все это хорошо, но я-то в тебя не влюблена! “Неважно, — говоришь ты, — я сумею тебе понравиться, вот увидишь”. Это веселое и легкое общение продлилось несколько дней, и вот фестиваль заканчивается, я уезжаю из Москвы, подписав контракт, и приеду на съемки в начале шестьдесят восьмого.

15

Проходит время. Сначала я получаю нежное письмо из Москвы. Потом, как раз когда я размышляю над тем, что со мной происходит и почему мне так тоскливо, телефонный звонок обрывает мои невеселые раздумья. Это ты. Я слышу теплый тембр твоего голоса и русский язык, напоминающий мне об отце, которого я обожала, — и от всего этого у меня ком в горле. После разговора я кладу трубку и реву. “Ты влюблена, моя девочка”, — говорит мама. Я стараюсь найти другое объяснение — много работы, устала — но в глубине души понимаю, что она права: я жду не дождусь встречи с тобой.

В мае шестьдесят восьмого мы создаем кооператив актеров и технического персонала и снимаем вместе с Бернаром Полем фильм “Время жить”. Нас захватывает борьба, мы увлечены мощным политическим движением. Мне вспоминается начало пятидесятых, когда я работала в Италии с режиссерами-коммунистами — Висконти, Пепе де Сантисом, Уго Пирро, Тонино Гуэрра, Карло Лицани... Мы участвовали в антифашистских демонстрациях, и иногда дело доходило до драк на ули-